

Призыв новобранцев в войска Временного Сибирского правительства летом-осенью 1918 г.

Изучение антибольшевистских вооруженных сил является одним из приоритетных направлений в современной историографии гражданской войны в России. В рамках данного направления особый интерес представляют военно-политические процессы, протекавшие на востоке России во второй половине 1918 г., когда в стране развернулись широкомасштабные военные действия и на базе первоначально немногочисленных добровольческих вооруженных формирований противоборствовавших сторон были созданы массовые армии, укомплектованные путем принудительных мобилизаций различных категорий населения.

Наиболее крупным и боеспособным объединением антибольшевистских вооруженных сил востока России являлась Сибирская армия, созданная под эгидой Временного Сибирского правительства летом 1918 г. Ее командующим и одновременно управляющим военным министерством правительства состоял генерал А. Н. Гришин-Алмазов. Первоначально в состав армии входили три корпуса: Средне-Сибирский, Степной Сибирский и Уральский, укомплектованные добровольцами, а также офицерами и казаками, подлежавшими обязательной мобилизации. В течение трех летних месяцев войска Сибирской армии совместно с частями Чехословацкого корпуса осуществили ликвидацию советской власти на территории от Урала до Байкала. К 10 августа 1918 г. в рядах армии насчитывалось 40,7 тыс. бойцов при 51 орудии и 184 пулеметах¹. Но этих сил было явно недостаточно для продолжения антибольшевистской борьбы в общероссийском масштабе. Поэтому руководители белой Сибири приняли решение пополнить армию за счет новобранцев 1898–1899 гг. рождения.

В советской историографии вопрос о призыве в Сибирскую армию новобранцев не получил сколько-нибудь полного изучения, хотя и затрагивался при освещении социально-политической обстановки в Сибири в период гражданской войны. Например, П. И. Рощевский писал,

---

¹ *Симонов Д. Г.* Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 78.

что «мобилизация оказалась проваленной и затянулась на неопределенный срок». Л. А. Шиканов утверждал, что крестьяне противодействовали практически всем мероприятиям Временного Сибирского правительства, в том числе сорвали и мобилизацию в армию². Однако названные авторы специально не изучали ход и результаты призыва новобранцев. Их выводы базируются на тенденциозно подобранных двух-трех отдельных случаях отказа крестьян вступать в армию, и поэтому не могут считаться научно обоснованными.

Иную точку зрения на результаты призыва высказал Г. Х. Эйхе. По его мнению, «призывы прошли в общем довольно успешно вопреки ожиданиям самих белых». На основе отрывочных данных он предположил, что общее число новобранцев, призванных в вооруженные силы Временного Сибирского правительства, составило не менее 145–150 тыс. человек³. Ю. В. Журов, опираясь на документы управления по воинской повинности министерства внутренних дел (МВД) Временного Сибирского правительства, рассмотрел ход призыва на территории Енисейской губернии. Он пришел к выводу, что мобилизационный план по губернии выполнен не был, поскольку явка новобранцев на призывные участки составила около 75 %⁴. Но, согласно его данным, результаты призыва никак нельзя было оценить как провал.

После свержения советской власти летом 1918 г. общественно-политическая ситуация в Сибири в целом благоприятствовала белым. По оценке информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства, в отношении антибольшевистского движения население Сибири разделилось на три основные группы. Первая активно антисоветская группа, насчитывавшая примерно 25–30 % населения, состояла преимущественно из пожилых, зажиточных крестьян. Вторая, активная пробольшевистски настроенная группа, насчитывала 10–15 % населения, преимущественно из бывших фронтовиков, безземельных крестьян и «хулиганствующей молодежи». Третья, индифферентная к тому или иному образу правления и пассивная группа,

---

² Роцевский П. И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 156; Шиканов Л. А. Сибирская контрреволюция на начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1989.

³ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 140.

⁴ Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 97.

была самой многочисленной. Она достигала 50–60 % населения, в основном из среды среднего трудового крестьянства⁵.

По приказанию А. Н. Гришина-Алмазова 13 июля 1918 г. была образована комиссия для детальной разработки вопросов призыва, а 31 июля вышел в свет указ Временного Сибирского правительства о призыве в Сибирскую армию лиц, родившихся в 1898–1899 гг. Призыву подлежало все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г. Сибирь как территория призыва включала в себя полностью Западно-Сибирский и Иркутский военный округа с добавлением к ним на западе Челябинского, Златоустовского и Троицкого уездов, а на востоке временно, до восстановления Приамурского военного округа, той его части, которая будет занята войсками Временного Сибирского правительства⁶.

16 августа 1918 г. А. Н. Гришин-Алмазов подписал приказ по войскам Сибирской армии, в котором потребовал от соответствующих лиц и учреждений при осуществлении набора новобранцев «приказывать» и «требовать», а отнюдь не просить и уговаривать. Уклоняющихся от воинской повинности он приказал арестовывать и судить по законам военного времени. По отношению к открыто неповивающимся закону о призыве, а также по отношению к агитаторам и подстрекателям командующий армией потребовал применять самые решительные меры вплоть до уничтожения на месте преступления⁷.

Первым днем призыва было назначено 25 августа 1918 г. В каждом уезде призыв осуществлялся уездными воинскими начальниками или начальниками местных команд при посредстве городской и уездной милиции. Для медицинского освидетельствования новобранцев создавались специальные комиссии в составе уездного воинского начальника (начальника местной команды) или его заместителя, двух врачей и по одному представителю от уездного комиссариата, городского и земского самоуправлений. Новобранцы, признанные годными к воинской службе, направлялись в войска. Те же, кто признавался негодными, навсегда освобождались от службы в армии, получая соответствующие свидетельства.

Организаторы призыва предполагали, что в ряды Сибирской армии удастся привлечь около 150 тыс. человек, в том числе на территории

---

⁵ ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 7. Д. 88. Л. 3.

⁶ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Акмолинские областные ведомости (Омск). 1918. 31 авг.

⁷ Сибирский вестник (Омск). 1918. 21 авг.

Западно-Сибирского военного округа 90 тыс., Казанского и Иркутского военных округов – по 30 тыс. человек. На территории Приамурского военного округа предполагалось поставить в строй около 25 тыс. новобранцев. Однако, в связи со сложной военно-политической обстановкой, призыв на Дальнем Востоке в 1918 г. не состоялся⁸.

Призыв новобранцев на территории, подвластной Временному Сибирскому правительству, производился в «мобилизационном порядке», т. е. новобранцы должны были прибывать не на традиционные призывные участки, а непосредственно в распоряжение уездных воинских начальников. Исключение составили Новониколаевский уезд и уезды, входившие в состав Челябинского округа. Таким образом, местами первоначального сбора новобранцев являлись следующие населенные пункты Урала и Сибири: в Челябинском округе – Челябинск, Сухоборское, Каменское, Таловское, Шадринск, Долматово, Бродокалматское, Уксянское, Мехонское, Смоленское, Иващенское, Верхтеченское, Верхнеуральск, Белорецк, Кача, Учалы, Златоуст, Лечзы, Емаши, Дуван, Месягуево, Айлино, Юрюзань, Сатка, Миасс, Поляковка, Николаевка и Троицк; в Тобольской губернии – Тобольск, Курган и Тюкалинск; в Тургайской области – Кустанай; в Акмолинской области – Омск, Петропавловск, Кокчетав, Атбасар и Акмолинск; в Семипалатинской области – Семипалатинск, Павлодар, Усть-Каменогорск и Зайсан; в Алтайской губернии – Барнаул, Бийск, Змеиногорск, Камень и Славгород; в Томской губернии – Томск, Мариинск, Каинск, Новониколаевск, Александровское, Гутово, Горевское, Медведское, Тулинское, Бердское, Кольвань, Прокудское, Чулым, Ярки, Ужанихинское, Верхнеремневское, Кузнецк, Кольчугино и Щеглово; в Енисейской губернии – Красноярск, Ачинск, Канск и Минусинск; в Иркутской губернии – Иркутск, Нижнеудинск и Киренск⁹.

В каждом уезде был составлен график призыва новобранцев. Например, в Барнаульском уезде на четвертый день мобилизации (среда, 28 августа) на сборный пункт местного уездного воинского начальника должны были явиться новобранцы, проживавшие в Барнауле и его окрестностях; на пятый день (четверг, 29 августа) – новобранцы Белоярской, Шадринской и Шаховской волостей; на шестой день (пятница, 30 августа) – Черемновской, Средне-Краюшинской, Павловской и Тальменской волостей; на седьмой день (суббота, 31 августа) – Усть-Калмакской, Косихинской и Окуловской волостей; на восьмой день

⁸ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 99.

⁹ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1. Л. 53, 65.

(воскресенье, 1 сентября) – Дудинской, Шиловской, Ильинской и Сибирской волостей; на девятый день (понедельник, 2 сентября) – Средне-Красиловской, Талицкой и Клочковской волостей; на десятый день (вторник, 3 сентября) – Барнаульской, Боровлянской и Петровской волостей; на 11-й день (среда, 4 сентября) – Чумышской, Ребрихинской, Язовской и Титовской волостей; на 12-й день (четверг, 5 сентября) – Савинской, Зимовской, Верх-Чумышской и Брусенцовской волостей; на 13-й день (пятница, 6 сентября) – Панюшевской, Хмелевской, Залесовской и Озерно-Титовской волостей; на 14-й день (суббота, 7 сентября) – Боровской, Карасевской и Борисовской волостей; на 15-й день (воскресенье, 8 сентября) – Мариинской, Кадниковской, Шипуновской, Зеркальской, Шарчинской, Елбанской и Заковряшинской волостей; на 16-й день (понедельник, 9 сентября) – Николаевской, Новочихинской, Крестьянской и Селиверстовской волостей; на 17-й день (вторник, 10 сентября) – 2-й Шипуновской, Никоновской, Егорьевской, Архангельской и Космалинской волостей¹⁰.

В целом призыв новобранцев прошел успешно, но, как отметил Г. К. Гинс, «при обычной картине набора – с неизбежным пьянством и буйством»¹¹. Явка новобранцев на призывные участки составила около 82 %. Из числа явившихся около 12 % были освобождены от службы по состоянию здоровья или получили отсрочку. К 29 сентября 1918 г. на территории девяти губерний и областей, подвластных Временному Сибирскому правительству, в ряды Сибирской армии было принято 161 842 новобранца (см. табл.). Но эти данные нельзя считать полными и окончательными.

Таблица

Сведения о результатах призыва в войска новобранцев 1898–1899 гг. рождения на основании указа Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г.*

Уезды	Подлежало призыву**	Принято в войска***
Челябинский уезд	9 025	7 228
Златоустовский уезд	7 181	4 531
Троицкий уезд	3 007	2 322
Верхнеуральский уезд	4 654	1 516
Шадринский уезд	8 310	6 875
Всего в Челябинском округе	32 177	23 172

¹⁰ Народная свобода (Барнаул). 1918. 30 авг.

¹¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. С. 194.

Тобольский уезд	3 000	1 734
Тюменский уезд	3 000	2 618
Ялуторовский уезд	5 300	3 949
Курганский уезд	6 700	6 399
Тюкалинский уезд	8 900	3 363
Ишимский уезд	10 000	7 083
Тарский уезд	6 400	3 489
Туринский уезд	2 500	1 423
Всего по Тобольской губернии	45 800	30 058
Омский уезд	7 000	7 492
Акмолинский уезд	2 900	2 539
Атбасарский уезд	1 500	1 135
Кокчетавский уезд	5 473	3 629
Петропавловский уезд	4 000	2 644
Всего по Акмолинской области	20 873	17 439
Семипалатинский уезд	?	1 472
Павлодарский и Каркаралинский уезды	?	1 187
Усть-Каменогорский и Зайсанский уезды	?	2 736
Всего по Семипалатинской области	7 000	5 395
Барнаульский уезд	?	11 334
Каменский уезд	?	5 604
Славгородский уезд	?	2 840
Бийский уезд	?	10 916
Змеиногорский уезд	?	5134
Всего в Алтайской губернии	45 000	35 828
Томский уезд	8 432	6 556
Мариинский уезд	6 905	4 633
Кузнецкий уезд	4 430	3 800
Новониколаевский уезд	6 286	9 182
Каинский и Татарский уезды	9 072	5 838
Всего в Томской губернии	35 125	30 009
Красноярский уезд	3 078	2 582
Канский уезд	6 236	3 188
Минусинский уезд	6 600	3 387
Ачинский уезд	4 282	?
Енисейский уезд	1 300	?
Всего в Енисейской губернии	20 776	9 157
Иркутский, Балаганский и Верхоленский уезды	?	6 576
Киренский уезд с двумя горными округами	?	1 199
Нижнеудинский уезд	?	1 486
Всего в Иркутской губернии	12 650	9 261
Верхнеудинский уезд	?	1 523
Всего в Забайкальской области	?	1 523
ИТОГО	219 401	161 842

*Составлена по: ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 18. Л. 2, 3; Д. 59. Л. 6; Д. 4. Л. 184–185, 191, 192; Оп. 2. Д. 10. Л. 30, 49; ГАТО. Ф. 520. Оп. 2. Д. 321. Л. 23; Д. 323. Л. 2; Ф. 1362. Оп. 1. Д. 220. Л. 30; РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 164. Л. 48.

**Численность лиц, подлежащих призыву, определена на основании телеграмм, направленных управляющими губерниями и областями в Министерство внутренних дел Временного Сибирского правительства

***По состоянию на 29 сентября 1918 г.

В таблице не учтены сведения о результатах призыва в Кустанайском уезде – единственном уезде Тургайской области, находившемся под контролем антибольшевистских властей. Между тем, этот уезд должен был дать около 4 тыс. новобранцев¹². 26 и 30 августа, а также 7 сентября областной комиссар А. В. Матвеев докладывал в министерство внутренних дел о том, что призыв на территории уезда «проходит хорошо». Правда, в последнем случае он сообщил, что в связи с эпидемией холеры призыв приостановлен в семи волостях южной части Кустанайского уезда, впредь до прекращения заболеваний¹³. Отсутствуют сведения по Ачинскому и Енисейскому уездам Енисейской губернии, на территории которых призыву подлежали 5 582 новобранца. В таблицу не включены Березовский и Сургутский уезды Тобольской губернии, так как на их территории призыв новобранцев не проводился.

С учетом высказанных замечаний, реальная численность призванных была явно превышала 161,8 тыс. человек. Согласно другим данным, по состоянию на 25 сентября 1918 г. в Казанском военном округе в войска было принято 34 тыс. человек, в Западно-Сибирском военном округе – 119 тыс. чел., в Иркутском военном округе – 22 тыс. чел., а всего – 175 тыс. новобранцев, или около 75 % подлежавших призыву¹⁴.

В некоторых местностях население отрицательно отреагировало на призыв новобранцев в Сибирскую армию. Во многих уездах местные власти фиксировали наличие антиправительственной агитации. Например, в с. Анисимовское Боровлянской волости Барнаульского уезда гражданин Моксин подбивал новобранцев не ходить на службу, «так как теперь нет правительства и служить некому». По распоряжению начальника милиции 17-го участка его задержали и заключили в Барнаульскую городскую тюрьму. За агитацию против Временного Сибирского правительства и противодействие власти, выразившееся в препятствовании регистрации новобранцев, в с. Шарчинское были задержаны граждане С. Манаков, А. Буров и М. Стафеевский. Постановлением начальника уездной милиции они были заключены в Барнаульскую тюрьму. За подобную же агитацию в с. Рожнев Лог задержали И. Каракулина, И. Гранкина и С. Ткачева¹⁵. Чинами Барнаульской уездной милиции был арестован крестьянин с. Кочегарки А. Санаров, уличенный в том, что впрыскивал некую жидкость в колени новобран-

---

¹² ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 4. Л. 189

¹³ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–3.

¹⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 54. Л. 99.

¹⁵ Народная свобода. 1918. 25, 30 авг.

цам, у которых после этой операции ноги «делались как бы парализованными». В результате новобранцы признавались негодными к несению воинской службы¹⁶.

Самые крупные эксцессы в связи с призывом новобранцев произошли в Змеиногорском и Славгородском уездах Алтайской губернии. 31 августа началось восстание в Змеиногорском уезде. В этот день крестьяне села Шемонаевского оказали вооруженное сопротивление небольшому правительственному военному отряду, прибывшему из Змеиногорска для принудительной отправки новобранцев на сборный пункт. В результате отряд потерял 11 человек убитыми. Кроме того, погибли участковый начальник милиции Г. В. Колобов и милиционер Л. П. Рыбьяков. В течение нескольких дней восстание охватило полностью или частично 16 волостей уезда¹⁷.

Центром восстания в Славгородском уезде стало село Архангельское (Черный Дол). Рано утром 2 сентября черномодольцы произвели вооруженное нападение на Славгород. Офицеры и добровольцы немногочисленного местного гарнизона в это время находились на частных квартирах. Их попытка собраться у военного штаба, где хранилось оружие, оказалась неудачной. По свидетельству начальника Славгородской уездной милиции, «отряд гарнизона был почти наполовину перебит выстрелами из-за углов, домов и крыш. Милиционеры обезоружены толпой». Из города удалось вырваться лишь двум десяткам офицеров и добровольцев, которые, отстреливаясь от преследовавших их повстанцев, попытались пробиться к железнодорожной станции Бурла, откуда можно было добраться до Татарска. Но по пути к станции в районе деревни Хомутино «отряд встретил вооруженные банды крестьян и, охваченный со всех сторон, пал жертвами, причем пощады не было: раненых офицеров и добровольцев крестьяне зверски добивали вилами и лопатами, выкалывали глаза...». Избежать расправы и пробиться к станции Бурла удалось лишь четверем стрелкам во главе с поручиком Берниковым¹⁸.

Крестьянские восстания в Змеиногорском и Славгородском уездах были подавлены регулярными частями Сибирской армии к концу сентября 1918 г. Подлежавших призыву новобранцев насильно отправили в соответствующие кадровые полки. Но общественно-политическая обстановка в этих уездах оставалась сложной все последующее время.

---

¹⁶ Народная свобода. 1918. 29 окт.

¹⁷ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 7. Л. 63-64, 71.

¹⁸ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 243. Л. 80; ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 7. Л. 36-38

Именно здесь в 1919 г. возник главный в Западной Сибири очаг антиколчаковского партизанского движения.

Активное сопротивление призыву оказали крестьяне Тюкалинского уезда Тобольской губернии. Утром 29 августа управляющий уездом И. А. Клайшевич сообщил по телеграфу в Омск: «В городе стрельба, из деревень идут вооруженные крестьяне, наступают, препятствуют призыву. Шлите экстренно поддержку». Спустя некоторое время из Тюкалинска была отправлена следующая телеграмма: «Сейчас шайкой вооруженного сброда заняты телеграф и почта, "именем народа" поставлены часовые, отняты револьверы, винтовки и патроны, около почты идет горячая перестрелка, есть убитые и раненые»¹⁹. Общая численность восставших в Тюкалинском уезде составляла около 400 человек. К 14 сентября восстание было подавлено силами сводного русско-чешского отряда²⁰.

В относительной близости от Тюкалинска, в г. Ишим, в условиях большого скопления новобранцев у примерно 300 человек проявились кожные и желудочные заболевания, в связи с чем стали быстро распространяться слухи о вспышке холеры в Ишимском уезде. Некоторые новобранцы стали открыто призывать своих товарищей, дабы «не поумирать всем, брать котомки и расходиться по домам». Все это привело к бунту. Новобранцы стали «ругать по-русски» офицеров, вышли из повиновения и действительно начали расходиться по домам. Так как уговоры не помогли остановить беглецов, командир расквартированного в Ишиме 4-го Степного Сибирского кадрового полка при содействии военного коменданта и милиции вынужден был восстановить порядок силой. Зачинщик бунта был найден и расстрелян по законам военного времени²¹.

Осложнения с призывом возникли в Семипалатинской области. 29 августа областной комиссар Г. Г. Крот сообщил в Омск, что в некоторых селениях Александровской и Карповской волостей Семипалатинского уезда население отказалось дать новобранцев, ссылаясь на свою неосведомленность о целях призыва и нежелание участвовать в братоубийственной войне. В Павлодарском уезде новобранцы Богдановской и Ефремовской волостей после прибытия на призывной пункт разошлись по домам. В обоих случаях Г. Г. Крот настаивал на необхо-

---

¹⁹ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 6.

²⁰ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 243. Л. 100.

²¹ Утро Сибири. 1918. 18 сент.

димости использования в отношении уклонившихся от призыва новобранцев вооруженной силы²².

Рядом эксцессов призыв сопровождался в Енисейской губернии. 2 августа 1918 г. крестьяне с. Есаулово и д. Терентьевой, обсудив распоряжение Красноярской уездной земской управы о призыве новобранцев, потребовали разъяснить, «куда и на кого современная власть хочет посылать наших сыновей», и постановили: «запретить председателю Есаульской управы отправлять списки молодых людей впредь до разъяснения уездной земской управой». Через две недели крестьяне вынесли более категоричное постановление: «Призывные списки задерживать навсегда и объявление призыва не считать нужным ввиду того, что распоряжения происходят не от всего народа, а от одной-единственной партии, впредь до созыва губернского крестьянского съезда...».

Через несколько дней в Красноярскую уездную земскую управу поступило заявление от председателя Есаульской волостной земской управы М. Худоногова, в котором он писал: «[...] призываемые, родившиеся в 1898–1899 гг., явились в здание волостной управы и с оружием в руках требовали списки, кои уже раньше обществами Терентьевским и Есаульским были арестованы, списки эти они взяли и один из них, Погреботько Николай, положил их в карман. Потом он стал угрожать мне расправой, но мне удалось бежать через окно. Дальше уже у моей квартиры 4 из них угрожали застрелить меня, но я бежал в город... Возвращаться теперь в волость служить не считаю возможным»²³.

Енисейский губернский комиссар П. З. Озерных 26 августа телеграфировал в Омск на имя министра внутренних дел, что есаульские «крестьяне под влиянием своих большевистских агитаторов вынесли приговор отказаться дать солдат на вечные времена, ввиду того, что правительство не народное. Для ареста нескольких главарей мною был командирован начальник милиции с милиционерами. Крестьяне выдать главарей отказались. Затем, узнав, что в волостной управе списки все же составляются, выгнали власти, угрожая оружием. Вчера, снесясь с начальником гарнизона, послал вновь начальника милиции с ротой солдат для ареста главарей и производства призыва. Надеюсь, все будет улажено без применения оружия». К 29 августа после прибытия в Есаульское военного отряда численностью в 90 человек инцидент был ликвидирован, и все новобранцы под охраной доставлены на сборный пункт. Отряд произвел арест троих подозреваемых в агитации, в то

²² ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 11. Л. 2, 4.

²³ Журов Ю. В. Указ. соч. С. 95–96.

время как заведомо известные агитаторы сумели скрыться. Крестьяне в свое оправдание заявили, что приговор не давать солдат составили по глупости»²⁴.

Похожие события имели место в Шалинской, Заледеевской, Вознесенской и Погорельской волостях Красноярского уезда. Так, Георгиевское общество Шалинской волости постановило призываемых на службу новобранцев задержать ввиду того, что «мы не знаем, за какое право и кого защищать, за что идти и за кого; в крайнем случае, мы желаем идти защищать свободу все исключительно, в чем и подписуемся».

Один из членов призывной комиссии, делясь своими впечатлениями о ходе призыва, рассказал следующую историю. Является к нему крестьянин-делегат Погорельской волости. В руках у него бумага. Он заявляет, что так как «другие земские управы отказались давать солдат, то и наше общество постановило солдат не давать», и подает приговор. Потом делегат спрашивает: «Ну-с, как у вас с призывом?» Да вот, в Есауловой заупрямились, так военный отряд туда послан». Делегат помялся-помялся, потом протянул руку и сказал: «Так уж давайте бумагу это мне обратно, – повезем видно и мы»²⁵.

27 августа управляющий Минусинским уездом П. Н. Тарелкин телеграфировал министру внутренних дел: «[...] крестьяне многих селений составляют приговора не давать новобранцев, требуя созыва крестьянского съезда. В ближайшие к городу села мною были посланы отряды, после чего рекруты на освидетельствование явились, но, благодаря нераспорядительности воинского начальника, на сборный пункт явились только 26 принятых на службу, громадное большинство уехало по домам. Если бы они были задержаны и отправлены первым парходом, остальные волости, увидя твердость власти, беспрекословно подчинились бы призыву. Сейчас же вся моя административная деятельность сведена к нулю. Сегодня требовалась посылка отряда в одно селение, [но] отряд ротным командиром Нестеровым не был дан вопреки приказанию начальника гарнизона. У начальника гарнизона с офицерской ротой происходят трения, не допустимые по условиям момента. Ходатайствую о срочной высылке роты солдат со взводом чехословаков»²⁶. 29 августа губернский комиссар П. З. Озерных сообщил в Омск о том, что «меры к подавлению неповиновения приняты».

---

²⁴ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 7.

²⁵ Сибирский вестник. 1918. 6 сент.

²⁶ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 7.

В Енисейском уезде сопротивление призыву оказало население Маклаковской волости. 26 августа вышедший из Енисейска пароход «Дедушка» в с. Маклаковское был встречен собранием родителей призываемых, военнопленных и бывших красноармейцев, которые стали упрашивать новобранцев, находившихся на борту парохода, остаться и не ездить в Красноярск. Под влиянием агитации 25 молодых людей сошли на берег, а оставшиеся 43 отправились дальше. По сообщению уездного комиссара, пять сельских обществ Маклаковской волости не дали ни одного из 50 подлежащих призыву новобранцев. Но из остальных сельских обществ этой волости – Стреловского, Каргинского, Тунгусского и Абалаковского – явились все 65 человек²⁷.

Согласно донесению начальника Енисейской уездной милиции губернскому комиссару от 26 декабря 1918 г., «со времени падения советской власти приверженцы ее притаились и вели подпольную агитацию среди крестьян». Результатом этой работы стал отказ новобранцев пяти сельских обществ Маклаковской волости явиться на военную службу. Чуть позднее почти все новобранцы Енисейского уезда, прибывшие на призывной участок в Красноярск, за небольшим исключением, дезертировали. Неоднократные увещания и обращения к ним со стороны власти успеха не имели. При этом крестьяне Бельской и Пировской волостей требовали предварительно вооружить всех фронтовиков, после чего обещали отправить в армию новобранцев. Милиция же, вследствие своей малочисленности, не имела возможности применить к упорствующим принудительную силу²⁸.

Молодые солдаты, призванные в Сибирскую армию на основании указа Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г., поступили на укомплектование запасных полков. На 28 действующих стрелковых полков армии, входивших в состав 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й дивизий, при корпусах были сформированы 28 стрелковых запасных (кадровых)²⁹ полков. В этих частях новобранцам предстояло пройти первоначальное военное обучение, после чего они должны были пополнить действующие полки Сибирской армии. Еще до объявления призыва территориальная система комплектования армии была признана наиболее оптимальной, как не требовавшая больших

---

²⁷ ГАРФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 9. Л. 9; Сибирский вестник. 1918. 6 сент.

²⁸ Журов Ю. В. Указ. соч. С. 96–97.

²⁹ 1 сентября 1918 г. все запасные части Сибирской армии были переименованы в «кадровые», поскольку «с названием запасных частей и бригад связаны печальные воспоминания об их роли в разложении русской армии в 1917 году».

передвижений призванных в войска и к которой сочувственно относилось само население. Возможные возражения, что при такой системе войска не могут быть употреблены в случае необходимости для поддержания внутреннего порядка на местах, А. Н. Гришин-Алмазов признал несущественными. Он полагал, что, во-первых, каких-либо столкновений не ожидается ввиду вполне доброжелательного отношения населения к новой власти и, во-вторых, при больших сибирских расстояниях пункты квартирования воинских частей редко будут совпадать с местами жительства призванных³⁰.

По мере притока новобранцев в кадровые полки увеличивался приток жалоб на невозможность разместить всех молодых солдат в казармах, обеспечить их теплой одеждой, обмундированием и обувью. Чтобы хоть как-то улучшить ситуацию, командование Сибирской армии решило распустить по домам часть уже призванных новобранцев. 20 сентября 1918 г. начальник штаба армии генерал П. П. Белов разрешил командирам кадровых полков уволить в отпуск до 25 % состава кадровых полков. Отпуска могли предоставляться новобранцам «по слабости здоровья» сроком на один – два месяца³¹.

В результате призыва новобранцев к 1 октября 1918 г. общая численность Сибирской армии достигла 184,6 тыс. военнослужащих³². Ее боевой состав к 3 декабря выражался в 68,3 тыс. штыков и сабель при 86 орудиях и 462 пулеметах³³.

После непродолжительного обучения, уже с середины сентября 1918 г., молодые солдаты стали направляться в действующие на фронте части Сибирской армии. Например, к 17 сентября 1918 г. в 4-ю Сибирскую стрелковую дивизию прибыли 50 новобранцев из 4-го Степного кадрового полка и 66 новобранцев из 6-го Степного кадрового полка; к 19 сентября – 97 новобранцев из 1-го и 3-го Степных кадровых полков. 24 октября в состав 14-го Иртышского полка были зачислены два офицера и 14 новобранцев 8-го Степного кадрового полка. 10 ноября в дивизию прибыли маршевые роты из 1-го Степного кадрового полка (233 чел.), из 2-го Степного кадрового полка (246 чел.), из 3-го Степного кадрового полка (504 чел.), всего 983 новобранца; 14 ноября – из 1-го Степного кадрового полка (240 чел.), из 2-го Степного кадрового полка (209 чел.) и из 4-го

³⁰ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 535. Л. 1–3.

³¹ Сибирский вестник. 1918. 3 окт.

³² РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

³³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 152. Л. 54.

Степного кадрового полка (247 чел.), всего 696 новобранцев; 15 ноября – из 4-го Степного кадрового полка (250 чел.) В общей сложности с конца сентября до конца ноября 1918 г. в 4-ю Сибирскую дивизию влилось не менее 2 126 новобранцев. Все они были распределены между действующими полками следующим образом: в 13-й Омский полк – 415 чел., в 14-й Иртышский полк – 469 чел., в 15-й Курганский полк – 478 чел., в 16-й Ишимский полк – 37 чел., в 18-й Тобольский полк – 298 чел., в 20-й Тюменский полк – 469 чел. Таким образом, ко времени начала решающих боев за Пермь – в конце ноября 1918 г. – 4-я Сибирская стрелковая дивизия почти наполовину состояла из новобранцев³⁴.

Несмотря на слабую подготовленность новобранцев, фронтовые начальники давали о них самые благоприятные отзывы. В приказе по Сибирской армии от 30 ноября 1918 г. приводится выдержка из донесения начальника 4-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майора Г. А. Вержбицкого: «Молодые солдаты, приняв боевое крещение, видимые самоотверженными офицерами, ведут себя в боях отлично». В этом же приказе была отмечена выдающаяся стойкость и дисциплина, проявленные в последних боях молодыми солдатами 17-го Семипалатинского и 19-го Петропавловского полков 5-й Сибирской стрелковой дивизии: «Сделав в три дня 170 верст, при полном отсутствии отсталых, они вступили в бой с врагом и дрались выше всякой похвалы целые сутки под сильным дождем, переходя вброд через реки».

В тыловых районах Сибирской армии новобранцы нередко использовались в качестве карательной силы. Так, для «прекращения незаконных собраний в дер. Марушка Бийского уезда 16 ноября 1918 г. были направлены 20 новобранцев охранной роты 8-го Бийского кадрового полка под командой поручика Корнилова. 17 ноября этот отряд был окружен в названной деревне вооруженной толпой, потребовавшей выдачи офицеров. Солдаты-новобранцы отстояли своих офицеров и с боем пробились из окружения, потеряв убитыми одного офицера и трех солдат»³⁵.

24 ноября 1918 г. из Тюмени в с. Иевлево был выслан отряд, состоящий из двух офицеров и 54 солдат учебной команды 6-го Степного Сибирского кадрового полка, для усмирения бунта конвоируемых в Тобольск дезертиров. За успешно проведенную операцию, результатом которой стало уничтожение 56 бунтовщиков, солдаты учебной коман-

³⁴ РГВА. Ф. 39877. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 10, 24, 37.

³⁵ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 256. Л. 77.

ды и руководившие ими офицеры удостоились благодарности командира II Степного Сибирского корпуса³⁶.

В целом, однако, кадровые части Сибирской армии не отличались высокой дисциплиной. В конце ноября 1918 г. командир I Средне-Сибирского корпуса генерал А. Н. Пепеляев телеграфировал на имя главного начальника корпусного района: «...до меня доходят сведения, что в тылу дисциплина падает, растет распущенность, процветают пьянство, хулиганство, толпами солдаты бродят по улицам»³⁷. Широкое распространение в кадровых частях приобрело дезертирство. По состоянию на 31 октября 1918 г., из 1-го кадрового (запасного) полка I Средне-Сибирского корпуса дезертировало 17 % новобранцев, из 2-го полка – 32 %, из 3-го полка – 25 %, из 4-го полка – 42 %, из 5-го полка – 20 %. По состоянию на 17 октября 1918 г., «в бегах» находилось 8 % списочного состава кадровых частей II Степного Сибирского корпуса³⁸. В кадровых частях III Уральского корпуса из 33 955 числившихся по списку солдат к 14 октября 1918 г. дезертировало 1 138 человек, или 3 %³⁹. И, наконец, в IV Восточно-Сибирском корпусе из 9 114 новобранцев, числившихся на 9 октября 1918 г. в списках 3-й Иркутской кадровой бригады, бежало со службы 986 человек, или 11 %. Наибольший процент дезертиров (52 %) был в 12-м Верхнеудинском кадровом полку⁴⁰. Выявляется любопытная закономерность: чем дальше от фронта дислоцировались кадровые части, тем выше в них был процент дезертиров.

Сибирская периодическая печать не оставляла без внимания эту проблему. К примеру, кадетская газета «Народная свобода» осенью 1918 г. старалась фиксировать все случаи поимки дезертиров на территории Барнаульского уезда. В номере от 25 сентября сообщалось, что в с. Савинское милиционеры задержали бежавших из Барнаула новобранцев Т. Конькова, И. Широкова, И. Скопичевского и Я. Боромского. Вероятно, это были первые официально зафиксированные дезертиры, выявленные на территории уезда, чем и объясняется их пофамильное перечисление. Но вскоре выяснилось, что бегство из кадровых полков носит массовый характер, в силу чего «Народная свобода» стала указывать только количество обнаруженных беглецов. 13 октября газета

³⁶ РГВА. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 13. Л. 74–75.

³⁷ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 1507. Л. 38.

³⁸ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 151. Л. 139.

³⁹ РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 66. Л. 220, 224.

⁴⁰ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 28. Л. 58.

проинформировала читателей о поимке 27, 18 октября – 45, 22 октября – 12, 24 октября – 43 дезертиров. Только за один день 27 октября начальник 6-го участка уездной милиции в ходе специального рейда обнаружил беглых новобранцев в с. Ребриха (33 человек), в Пановой (8 чел.), в Беловой (9 чел.), в Лебяжьем (28 чел.) и в Боровлянской (31 чел.), а всего – 109 беглецов. После разъяснительной беседы, проведенной милиционерами, родители новобранцев дали подписку о том, что их дети добровольно вернутся в свои воинские части.

Благодаря действиям милиции, к началу ноября в населенных пунктах Барнаульского уезда были выявлены почти все дезертиры. 31 октября «Народная свобода» сообщила о поимке четырех человек, 1 ноября — девяти, 2 ноября — пяти, 7 ноября — восьми. Всего же с конца сентября по начало ноября 1918 г., по данным газеты, на территории Барнаульского уезда было выявлено 266 беглых новобранцев. Все они, за исключением упомянутых выше 109 человек, подлежавших возвращению в свои полки, были направлены в распоряжение Барнаульского уездного воинского начальника⁴¹. Обращает на себя внимание достаточно «либеральное» отношение власти к дезертирам, к которым склонны были относиться как к несмышленным детям, заслуживающим определенного снисхождения.

Командир IV Восточно-Сибирского корпуса генерал А. В. Эллерц-Усов объяснял случаи дезертирства «крайним легкомыслием» новобранцев. В воспитательных целях он приказал 4 октября 1918 г. учредить для всех провинившихся нарукавную нашивку черного цвета с надписью белыми буквами «дезертир»⁴². В качестве меры, призванной сократить это пагубное для армии явление, стало введение в частях корпуса телесных наказаний⁴³. Однако командованию корпуса так и не удалось предотвратить бегство новобранцев со службы. Проблема дезертирства в корпусе наиболее остро проявилась в связи с отправкой некоторых частей в действующую армию в начале 1919 г. По сообщению командира IV Восточно-Сибирского тяжелого артдивизиона, по пути на фронт с 26 по 31 января 1919 г. из эшелона сбежало

⁴¹ Народная свобода. 1918. 25 сент., 13, 18, 22, 24, 29, 31 окт., 1, 2, 7 нояб.

⁴² РГВА. Ф. 39513. Оп. 1. Д. 17. Л. 28. Нашивка изготавливалась из коленкора и носилась в виде повязки на правом рукаве шинели, рубахи или телогрейки (ширина повязки — 5 вершков, высота букв — 4 вершка). Строевым начальникам предоставлялось право ходатайствовать перед командиром корпуса о снятии этой позорной нашивки, «если провинившийся честной службой Родине загладил уже свой проступок».

⁴³ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 152. Л. 20.

70 человек. «Побеги... облегчались тем, что из состава данных мне солдат не было ни одного, на которого можно было бы положиться. В двух случаях взводные не только не удерживали своих солдат, но сами подали пример и скрылись»⁴⁴.

Осенью и зимой 1918 г. в кадровых частях Сибирской армии имел место ряд эксцессов, некоторые из которых завершились вооруженными восстаниями. Н. И. Блохин, мобилизованный в Сибирскую армию в августе 1918 г., в своих воспоминаниях приводит факт отказа одеть погоны новобранцами седьмой и восьмой рот 5-го Степного кадрового полка. После прибытия в роты начальства, под страхом расстрела каждого десятого, новобранцы выдали двух зачинщиков, и на этом инцидент был исчерпан. Седьмая рота, по словам Блохина, получила другого, «более строгого» командира⁴⁵.

В начале сентября произошло вооруженное выступление в четвертой роте 7-го Степного кадрового полка, расквартированного в Петропавловске. Подробности этого события пока не известны. Но военно-полевой суд, состоявшийся 30 сентября 1918 г., приговорил «главных виновников восстания» новобранцев Федорина, Гаржу, Арсеньева и Мостковского к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел. Командир корпуса утвердил приговор в отношении двух новобранцев, двум другим смертную казнь заменил на бессрочную каторгу⁴⁶.

Первое вооруженное восстание в частях Сибирской армии под антиправительственными лозунгами, получившее общесибирский резонанс, произошло в Томске в ночь на 1 ноября 1918 г. В нем приняли участие солдаты 5-го Томского кадрового полка. Еще в сентябре в полку возникла большевистская военная организация, вскоре распространившая свое влияние на 2-ю, 4-ю, 5-ю, 6-ю, 7-ю, 8-ю и штурмовую роты. Но томский подпольный комитет РКП (б), контакты с которым имели заговорщики, к организации восстания не имел прямого отношения. Само восстание не было должным образом подготовлено, и носило стихийный характер. Восставшие захватили штаб полка, разоружили тюремный караул в составе 21 новобранца 6-го Мариинского кадрового полка и освободили находившихся в тюрьме политических и уголовных заключенных. Иных, более решительных действий, организаторы восстания не предприняли. Военные власти довольно быстро восстановили порядок в Томском гарнизоне. На подавление восстания были

⁴⁴ Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 332.

⁴⁵ ГААК. Ф. 5876. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–2.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 38. Л. 222.

направлены офицерская рота, учебные команды 5-го Томского и 6-го Мариинского кадровых полков, 1-й Томский кадровый артиллерийский дивизион, эскадрон 1-го Томского кадрового кавалерийского полка⁴⁷.

Вторым, самым резонансным, явилось восстание новобранцев кадровых частей II Степного Сибирского корпуса в Омске в конце декабря 1918 г. По свидетельству члена Омского подпольного комитета РКП(б) С. Г. Черемных, в этих частях находилась омская молодежь, среди которой оказались и бывшие красногвардейцы. Через них большевики установили связь с новобранцами. В середине декабря в городе уже действовал нелегальный Совет рабочих и солдатских депутатов в составе двенадцати человек. В ночь на 22 декабря 1918 г. большевики планировали поднять в Омске вооруженное восстание. Подпольный военно-революционный штаб рассчитывал, что в восстании примут участие солдаты 1-го, 2-го и 8-го Степных Сибирских кадровых полков, а также артиллеристы 1-го Омского кадрового дивизиона. В полной мере надежды большевиков не оправдались. Большинство новобранцев не отреагировало на их призывы. Активное участие в восстании приняли солдаты трех команд (саперная, комендантская и связи) 2-го кадрового полка, а также первый батальон и пулеметная команда 8-го кадрового полка. Утром восстание было ликвидировано силами 1-го запасного чехословацкого полка и унтер-офицерской школы II Степного Сибирского корпуса⁴⁸.

Аналогичные, хотя и меньшего масштаба, события произошли в г. Канск Енисейской губернии. Местные большевики, зная о восстании в Омске, но, видимо, не располагая полной информацией о его результатах, решили выступить в ночь на 27 декабря 1918 г. Опираясь на рабочих, они без особого труда сумели захватить железнодорожный вокзал, почту, телеграф, здания уездной и городской милиции. Незначительное сопротивление они встретили лишь в помещении офицерского собрания. Восставших поддержали новобранцы четырех рот 32-го Канского Сибирского стрелкового полка, расквартированного в военном городке в двух верстах от города. В полку действовала подпольная большевистская организация, ядро которой составляла группа добровольцев, вступивших в ряды Сибирской армии в целях

---

⁴⁷ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 152. Л. 8; Флеров В. С., Чугунов М. И. Восстание в Томске 1 ноября 1918 года // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 144–166.

⁴⁸ Черемных С. Г. Омское восстание // Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969. С. 239–255.

ее разложения. Но в военном городке восставшие не добились даже временного успеха, и были нейтрализованы благодаря энергичным действиям сохранивших верность присяге солдат учебной команды полка и охраны лагеря военнопленных. Порядок в Канске и его окрестностях был наведен 28 декабря после прибытия со ст. Клюквенная отряда полковника Н. Ф. Петухова и казачьей сотни подьесаула А. С. Трофимова⁴⁹.

Обратим внимание, что вооруженные восстания в Томске, Омске и Канске проходили под большевистским лозунгом восстановления советской власти. При этом во всех трех случаях организаторы убеждали новобранцев, что советская власть в соответствующих городах и чуть ли не во всей Сибири уже восстановлена, и новобранцам лишь остается присоединиться к победителям. Будучи введенными в заблуждение, молодые солдаты первоначально проявляли революционный порыв, но затем, осознав себя обманутыми, впадали в растерянность и сдавались на «милость власти».

Антиправительственные настроения не получили широкого распространения среди новобранцев. Все вышеперечисленные выступления удалось быстро ликвидировать, но почва для недовольства новобранцев сохранилась. Одной из основных причин этого недовольства было неудовлетворительное обеспечение их обмундированием, обувью, теплой одеждой и жилыми помещениями. Крайне плачевное материальное положение новобранцев создавало благоприятную почву для распространения в их среде антиправительственных настроений. Положение усугубляли некоторые офицеры, позволявшие себе рукоприкладство в отношении солдат. Примеров такого рода можно привести довольно много, но при этом следует отметить, что неуставные отношения имели место преимущественно в тыловых гарнизонах Сибирской армии.

Наиболее вопиющий случай произошел в Иркутске вечером 3 сентября 1918 г. Проходивший по Большой улице штабс-капитан С. В. Белоголовый, толкнув какую-то даму, не извинился, а на замечание ее, что нужно быть повежливее, ответил «площадной» бранью. Наблюдавший эту сцену солдат Розенберг заметил своему спутнику, что «хоть с дамами-то можно быть корректнее». Услышав эту фразу, офицер закричал на солдата: что он такое сказал? И когда Розенберг повторил сказанное, с криком «А, так ты жидовская...» выхватил шашку

---

⁴⁹ ГАНО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 39. Л. 12–15; *Кадейкин В. А.* Указ. соч. С. 276–278.

и ударил его по голове. Пострадавшему была оказана медицинская помощь, а штабс-капитан Белоголовый арестован⁵⁰.

Командир IV Восточно-Сибирского корпуса генерал А. В. Эллерц-Усов 18 ноября 1918 г. приказал арестовать и отправить на Иркутскую гарнизонную гауптвахту командира 10-го Байкальского кадрового полка капитана Рудакова. Ему вменялось в вину то, что еще в октябре 1918 г. он, находясь при исполнении служебных обязанностей, водил по казармам полка задержанного по обвинению в агитации солдата Унгерова; в присутствии подчиненных бил его руками по лицу, ругал площадной бранью и называл «жидом»⁵¹.

В приказе по Сибирской армии, подписанном генералом А. Ф. Матковским 4 декабря 1918 г., говорилось: «Видел офицера перед пехотным строем с хлыстом в руках. Подобное щегольство неуместно, ибо противоречит военной форме, и опасно, ибо может в случае направления хлыста не туда, куда надо, подвести вспыльчивого начальника под суд. Уверен, что командиры частей выведут подобные явления, если они еще где-либо существуют»⁵².

Неуставные взаимоотношения в кадровых частях Сибирской армии вряд ли имели широкое распространение. Видимо, рукоприкладство командиров в этих частях не выходило за рамки, общепринятые в любой армии. Впрочем, наблюдалась и другая крайность. По свидетельству генерала П. П. Петрова, «офицерский состав кадровых полков в большинстве своем был призван по мобилизации и имел все грехи мобилизованных и главный из них – осторожность в обращении с солдатами, порой, даже, в нарушение действующих уставов»⁵³.

Но что действительно было характерно для офицеров кадровых полков, так это достаточно равнодушное отношение к службе и нежелание или, скорее, неумение стать не только командирами, но и достойными воспитателями молодых солдат. Генерал В. В. Голицын отмечал в приказе по 7-й Уральской дивизии от 27 октября 1918 г., что применительно к воспитанию и развитию сознательности призванных в ряды дивизии молодых солдат дело стояло не на должной высоте. Офицеры, по его словам, «мало, а в некоторых частях и совершенно не

---

⁵⁰ Сибирь. 1918. 6 сент.

⁵¹ РГВА. Ф. 39513. Оп. 1. Д. 17. Л. 129.

⁵² Военные ведомости. 1918. 14 дек.

⁵³ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. 1918–1922 гг. Рига, 1930. С. 59. Данное наблюдение генерал Петров сделал в отношении полков 6-й Уральской дивизии горных стрелков.

беседовали с солдатами по таким основным вопросам, как, например, разъяснение смысла и цели воинской службы и в частности — задач настоящей войны, недостаточно входили в интересы личной жизни новобранцев»⁵⁴.

В 1918 г. у руководителей антибольшевистского движения в Сибири имелись благоприятные условия и реальная возможность привлечь население региона на свою сторону. Итоги призыва новобранцев в Сибирскую армию являются наиболее ярким тому подтверждением. Успех призыва можно объяснить тем, что новобранцы, в силу своего возраста, еще не успели испытать на себе деструктивное воздействие революционных событий, и, вместе с родителями, людьми уже достаточно пожилыми, склонны были подчиняться распоряжениям власти. Следует также учитывать и свойственный 18–19-летним молодым людям юношеский романтизм, в рамках которого военная служба традиционно воспринималась как первый шаг к самоутверждению во взрослой жизни. В этом контексте молодежь являлась и является оптимальным материалом для комплектования любого вооруженного формирования, не зависимо от его политико-идеологической базы.

Но, доведя численность Сибирской армии почти до 200 тыс. человек, ее политические и военные руководители крайне незначительное внимание уделили тому, чтобы осуществить воспитание личного состава в соответствующем политическом духе, внедрить в многотысячную массу малограмотных деревенских парней осознание необходимости борьбы с большевизмом. В итоге агитационно-пропагандистский вакуум, имевший место в вооруженных силах Временного Сибирского правительства, стал постепенно заполняться иными политическими идеологиями.

Офицерский состав, являвшийся костяком Сибирской армии, оказался не готовым в полной мере решать те задачи, которые поставила перед ним гражданская война. Офицерство, в большинстве своем, продолжало мыслить дореволюционными категориями. Это касалось и взаимоотношений с подчиненными, в том числе сознательным от них дистанцированием, и стремлением ограничить свою деятельность исключительно требованиями военных уставов. В круговороте гражданского противостояния, когда жизненная реальность ежедневно ставила трудноразрешимые политические вопросы, мобилизованный контингент белых армий в поисках ответов на них был предоставлен сам себе.

---

⁵⁴ РГВА. Ф. 39517. Оп. 1. Д. 35. Л. 124.